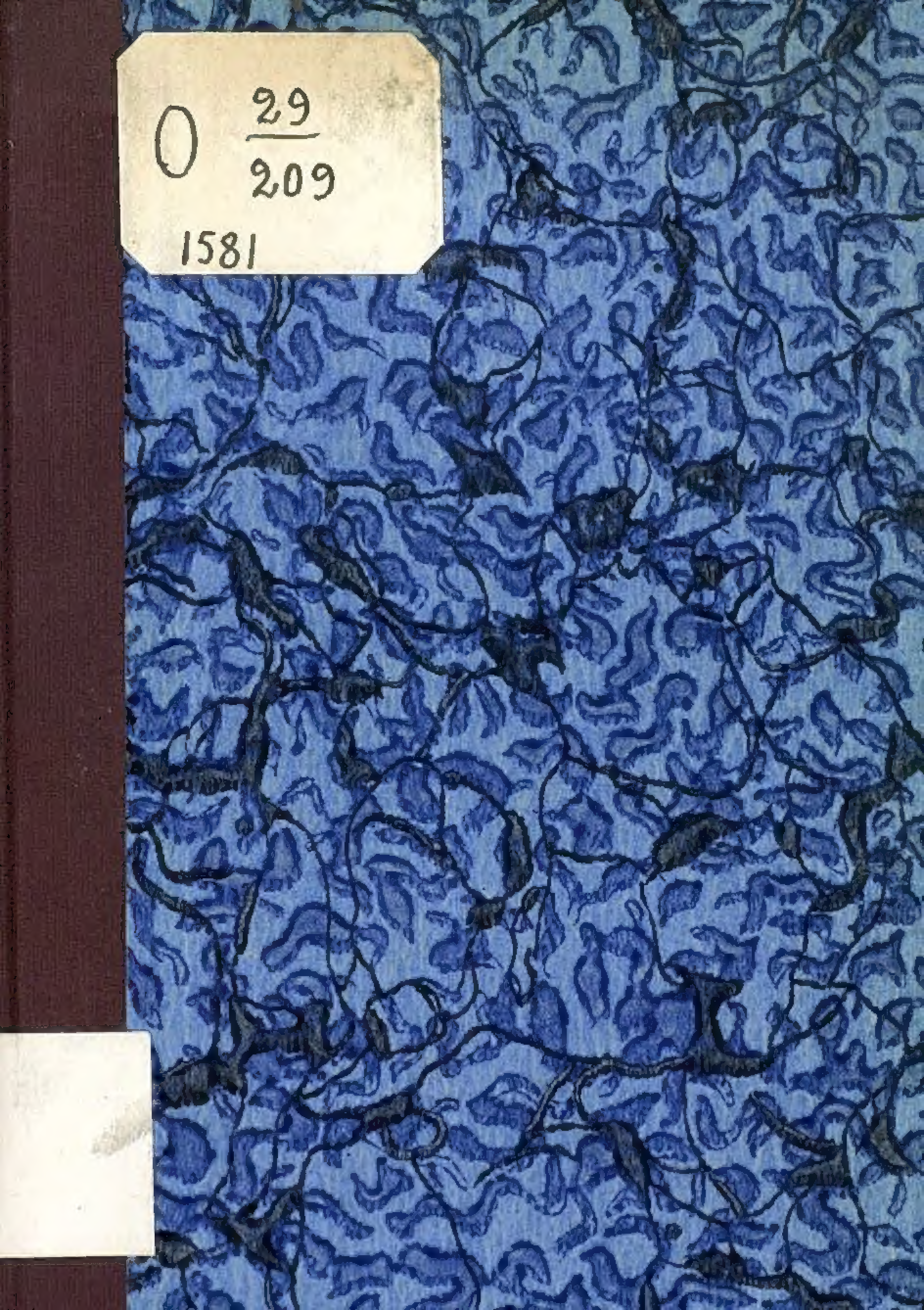

O 29/209
1581

2007043042

ОБЪ ОСАДѢ ПСКОВА ВЪ 1581 ГОДУ.

ПСКОВЪ.
СЛАВЯНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1881.

ОБЪ ОСАДѢ ПСКОВА ВЪ 1581 ГОДУ.

ПСКОВЪ.
СЛАВЯНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1881.

Печатать дозволено.

О НАШЕСТВІИ ШВЕДСКАГО КОРОЛЯ ІОАННА СЪ СѢВЕРА, А ПОЛЬСКАГО КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРІЯ СЪ ЮГА НА ПСКОВСКІЯ ОБЛАСТИ И НА ПСКОВЪ И ОБЪ ОСАДѢ ПСКОВА.

Выписка изъ исторіи княжества Псковскаго, печатанной въ Кіевѣ 1831 года, изъ 1-й части, на страниц. 191—247.

Сосѣди Россіи, Государи—Польскій и Шведскій, завидуя могуществу ея, однакожь чувствовали, что порознь они не могутъ сдѣлать большаго вреда Московскому царю Іоанну Васильевичу Грозному.—Поэтому оба сіи Государи—Польскій Стефанъ Баторій и Шведскій Іоаннъ въ 1578-мъ году заключили тѣснѣйшій между собою союзъ для войны противу Россіи. Положено было начать оную совокупно въ самой Естляндіи и Лифляндіи вытѣсненіемъ Россійскихъ гарнизоновъ изъ городовъ и крѣпостей ими занятыхъ. Первое сраженіе дано подъ Венденомъ, занятымъ уже Польскими и Литовскими войсками, съ которыми соединились и Шведскія. Тамъ Россіяне были разбиты и потеряли всѣ свои пушки. Вслѣдъ затѣмъ они вытѣсняемы были постепенно и изъ другихъ городовъ: но разсѣянныя по всѣмъ Провинціямъ засады ихъ долго было бы порознь преодолѣвать. А притомъ союзные Государи не хотѣли продолже-

ніемъ войны въ Лифляндіи и Естляндіи подвергать сіи Провинціи опустошеніямъ, и потому засѣвшихъ тамъ Россіянъ оставивъ до времени, согласились напасть на самыя Россійскія области съ разныхъ сторонъ. Шведскій началъ дѣлать набѣги отъ Нарвы и съ Финляндскихъ границъ: а Польской отъ Литовской границы. Они подущали еще и Крымскаго Хана съ юга занять Россію: но Царь убѣдилъ его дарами къ перемирію на годъ. Россіяне отражали часто не безъ успѣха нападенія сѣвернаго непріятеля и долго удерживались во многихъ городахъ Естляндскихъ; а въ свои далѣе Ивангорода его не впустили: но ополченіе Польскаго короля превозмогало ихъ. Войско его состояло изъ различныхъ наемныхъ и своихъ Польскихъ и Литовскихъ людей и изъ корпуса Венгерской пѣхоты. Польскими предводительствовалъ Гетманъ Мѣлецкій, Литвою Гетманъ Николай Радзивилъ, Венграми славный воевода ихъ Гавріилъ Бекѣшъ; а при осадѣ Пскова великимъ Гетманомъ или Фелдмаршаломъ былъ коронный канцлеръ Иванъ Замойскій. Первыя непріятельскія дѣйствія Баторіемъ открыты лѣтомъ 1579-го года осадою Полотска, который твердо укрѣпленъ

былъ и имѣлъ сверхъ своего засаднаго гарнизона еще 6-ть полковъ, присланныхъ изъ Пскова Царемъ, тогда въ семъ городѣ цѣлое лѣто пребывавшимъ для военныхъ распоряженій. Сверхъ того двое воеводъ, Шеинъ и Шереметевъ изъ города Сокола дѣлали набѣги на непріятельскія партіи, искавшія корму. Россіяне въ Полотскѣ храбро оборонялись, а дабы отнять у непріятеля всякое прикрытіе, сами напередъ выжгли всѣ предмѣстія города. Шесть недѣль Баторій держалъ оный въ осадѣ и многіе дѣлалъ приступы безуспѣшно.

Польскіе писатели сію медленность и затрудненіе приписываютъ неприступному мѣстоположенію Крѣпости, а болѣе безпрестаннымъ дождямъ во всю осаду продожавшимся. Наконецъ осаждавшіе успѣли зажечь Крѣпость и взяли городъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Подольскій воевода Николай Мѣлецкій взялъ городъ Соколъ и Сушу, а Бекешъ Туровъ и другіе ближніе. Послѣ сего перваго похода, не имѣя запасовъ и денегъ на продолженіе онаго, Король возвратился въ Варшаву и 23-го Ноября созвалъ Сеймъ, на которомъ послѣ многихъ споровъ и охужденій

начатой войны съ Россіею, рѣшено однакожъ дать Королю налогомъ податей пособіе.

Надлежало умножить и войско особливо пѣхоту, въ которой Польское и Литовское дворянство служить считало себѣ за низость. Королю и Гетману его Замойскому много труда стоило уговорить къ сему Дворянъ. Однакожъ составлено было оной нѣсколько и отправлено въ походъ на весну. Намѣреніе Короля было начать второй походъ съ пограничныхъ отъ всей Бѣлорусіи городовъ, дабы на случай похода внутрь Россіи обезопасить себя съ тылу. Но на пути къ Великимъ Лукамъ встрѣтилъ онъ Крѣпость Велижъ, усиленную достаточнымъ гарнизономъ, а съ Бѣлорусской стороны загражденную многими засѣками по непроходимому лѣсу, отдѣлявшему ее отъ границы. Польскіе писатели говорятъ, что дотолѣ 100 лѣтъ уже ни какое войско не смѣло проходить сквозь лѣсъ сей. Окружныя дороги были очень далеки, а обойти сію Крѣпость опасно было, дабы не оставить въ тылу засадныхъ: но и останавляться для нее цѣлому войску не было времени. Почему Король поручилъ Гетману Замойскому какъ-нибудь пѣхотою пробраться сквозь лѣсъ и

нечаянно взять Велижъ. Два дни съ трудомъ пробирался онъ сквозь всѣ преграды, а въ третій взялъ Крѣпость въ расплохъ и тамъ нашелъ множество пороху, оружія и припасовъ: но отъ Велижа до Великихъ Лукъ предлежала такая же сквозь густые лѣса дорога, которую съ трудностью прочищала венгерская пѣхота и на пути оборонялась еще отъ Русскихъ засадъ. Наконецъ вышли всѣ на равнины къ Великимъ Лукамъ. Туда подошелъ съ Литовскими войсками и Виленскій Гетманъ Радзивилъ на пути взявшій городъ Усвятъ, Невель и Озерище. Великіе Луки, по сказанію Польскихъ писателей сего похода, были городомъ тогда многолюднѣйшимъ и послѣ Москвы и Пскова обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ. Въ немъ находилась Крѣпость защищавшаяся 12 батареями. Царь предвидѣвъ Баторіево нападеніе на сей городъ, велѣлъ напередъ выжечь предмѣстія, а въ крѣпость прислалъ всѣ нужныя орудія и такой многочисленной гарнизонъ, который могъ не только въ стѣнахъ защищаться, но и на открытомъ полѣ сражаться. Всѣ приступы непріятельскіе сильною артиллеріею были отражаемы, а непріятельская артиллерія не могла

проникать сквозь валы ограждающіе Крѣпость, и потому начаты были подкопы: но индѣ болотистый, а индѣ песчаный грунтъ земли не позволялъ продолжать ихъ. Отъ сего въ войскѣ Баторіевомъ произошелъ уже ропотъ за напрасную потерю времени и всѣ совѣтовали отступить, но Замойскій требовалъ терпѣнія и превозмогъ всѣхъ своимъ упорствомъ. Онъ замѣтилъ, что валы, защищающіе Крѣпость, составлены были изъ деревянныхъ обрубовъ, присыпанныхъ только пескомъ и обложенныхъ дерномъ. Для того рѣшился онъ подкопами сперва разрушить ихъ и сквозь нихъ сдѣлать себѣ проходы, или покрайней мѣрѣ содравъ съ нихъ дернъ зажечь. Послѣднее удалось ему болѣе. Ибо покушавшіеся пройти сквозь валы прогнаны осажденными: но огонь, запущенный въ обрубы, хотя сперва погашенъ былъ прикрытіемъ мокрыхъ кожъ; однакожъ въ слѣдующую же ночь такъ разгорѣлся, что обнялъ всю крѣпость пламенемъ, зажегъ многія въ городѣ зданія и церкви, а дошедши до большаго пороховаго погреба, взорвалъ оный на воздухъ и многихъ побилъ. При семъ-то смятеніи непріятель ринулся со всѣхъ сторонъ въ Крѣпость и

взялъ оную. Король однакожъ поправилъ ее для засады своего гарнизона. Ибо въ Великихъ Лукахъ онъ былъ намѣренъ оставить свое войско на зиму. Въ то же время послалъ онъ одинъ отрядъ подъ начальствомъ Брацлавскаго воеводы Збаражскаго къ Торопцу, гдѣ собрано было Русское войско для наблюденій непріятеля, а Замойскому поручилъ взять городъ Заволочье, лежавшій на границѣ Псковской; самъ же отъѣхалъ въ Невель дожидаться ихъ успѣховъ. Збаражскій у Торопца не много имѣлъ дѣла и скоро возвратился: но Замойскій при столь маломъ городкѣ, каковъ Заволочье, встрѣтилъ неожиданныя затрудненія. Начальствовавшій тамъ воевода Сабуровъ сдѣлалъ такія благоразумныя предосторожности, что всѣ первыя къ приступу покушенія непріятельскія остались тщетными. Ибо плотину по коей одной только можно было доѣзжать до города, на островѣ озера лежащаго, онъ разрушилъ, всѣ лодки истребилъ, вооружилъ всѣхъ гражданъ, а отъ кидаемыхъ на городъ гранатъ прикрылъ всѣ кровли дерномъ. Нѣкоторые изъ непріятелей хотѣли переправясь на плотахъ напасть на городъ: но Сабуровъ сдѣлавъ вылазку, вогналъ ихъ въ

озеро, и едва не многіе уплыли назадъ. Непріятны были сіи вѣсти Королю, готовившемуся тогда возвратиться на Сеймъ. Но поелику Замойскій обнадеживалъ его успѣхомъ, то онъ пославъ ему еще нѣсколько войска на помощь, въ Октябрѣ уѣхалъ въ Варшаву. При второмъ уже сильнѣйшемъ приступѣ Заволочье сдалось непріятелямъ на договорѣ. Послѣ сего Замойскій поѣхалъ вслѣдъ—за Королемъ на Сеймъ, гдѣ они получивъ новыя пособія податьми на два года впередъ, и набравъ свѣжаго войска, на весну возвратились въ Великіе Луки, гдѣ были зимнія квартиры Польскихъ и Литовскихъ войскъ ихъ: а Венгерскій корпусъ съ артиллеріею зимовалъ уже около Опочки, и, по приказанію Замойскаго, воевода Вольскій добѣгалъ разъѣздами до Порхова, Холма и Воронича и до Старой Русы. Весною занятъ былъ Красной городъ и Опочка, а послѣ сего Король отъ Заволочья двинулся въ походъ тремя отдѣленіями къ Острову, занялъ по пути лежащіе городки Велье и Вороничь, подступилъ подъ Островъ, разбилъ пушками башни и стѣны и взялъ его безъ всякаго труда. Ибо тамъ нашелъ онъ только 30 засадныхъ стрѣльцевъ и не большое

число служилыхъ Боярскихъ дѣтей. Тогда очевидна уже была опасность предстоявшая Псково. Но Король не спѣшилъ походомъ, не извѣстно—изъ осторожности ли, или отъ какихъ нибудь препятствій, либо отъ ожиданія сбора своихъ разнородныхъ войскъ. Даже не понятно, почему на три года расположилъ онъ войну сію, когда могъ начать и кончить, ее въ одно лѣто. Польскіе историки приписываютъ сіе затрудненію въ сборѣ податей на иждивеніе войны и медленнымъ переправамъ чрезъ рѣки и лѣсистыя мѣста. Не меньше удивительно и то, что Царь Иванъ Васильевичь, столь рѣшительный въ своихъ войнахъ, имѣя всѣ способы собрать многочисленное войско и много времени на приготовленіе себя къ оборонѣ, не воспользовался медленностію своего непріятеля. Онъ могъ надѣяться и на содѣйствіе себѣ Ганзейскихъ городовъ, по связямъ торговли доброжелательствовавшихъ Россіи, такъ что Любчане тогда тайно препятствовали даже Баторіеву найму войскъ въ Германіи, а Датчане пересылали въ Россію и военные снаряды, какъ пишетъ Даливъ. Не смотря на то, Царь совершенно оставилъ Псковъ на произволъ судьбы,

а только успѣлъ свезенною изъ разныхъ окружныхъ городовъ артиллеріею достаточно снабдить его и самъ не оставшись тамъ и даже выѣхавъ изъ Москвы, жилъ въ городѣ Старицѣ безъ дѣйствія во все продолженіе Баторіева нашествія, а только написалъ къ Королю въ Великіе Луки укорительную за нашествіе его Граммату, на которую сей отъ 1-го Августа того же года отвѣчалъ ему еще укоризненнѣе и послалъ ему цѣлую книгу, тогда изданную въ Германіи о его тиранствѣ. Псковская Лѣтопись и князь Курбскій нерѣшительность Царя приписываютъ какой-то непонятной робости и боязни, въ то время объявшей его, а Гейденштеинъ недовѣрію къ своимъ войскамъ и потерянію разсудка. Сами непріятели, говоритъ онъ, дивились, что онъ ничѣмъ не препятствовалъ Королю въ походѣ, а вмѣсто того искалъ помощи и посредничества къ примиренію у Римскаго Императора Рудольфа и у Римскаго Папы, обѣщевая имъ за то помощь и содѣйство противу Турокъ. Когда же Король двинулся уже изъ Опочки ко Пскову, то царь Іоаннъ Васильевичь Псковичамъ прислалъ только подтвержденіе, что бы они стояли крѣпко и еди-

водушно до послѣдней капли крови; а изъ Новгорода Архіепископъ Александръ писалъ къ нимъ только увѣщанія, что бы они начали моліебствія и въ Соборѣ и по приходскимъ Церквамъ и по домамъ, а по городу совершали бы ежедневные Крестные ходы съ иконами; прочее все предоставлено городовымъ начальникамъ и самимъ гражданамъ въ распоряженіе.

Во Псковѣ тогда находился намѣстникомъ князь Василій Өедоровичъ Скопинъ-Шуйскій съ товарищемъ, княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ. Сему послѣднему, яко въ дѣлахъ военныхъ опытнѣйшему, Царь поручилъ и главное распоряженіе укрѣпленій. При нихъ тамъ еще находились воеводы: Никита Ивановичь Очинъ-Плещѣевъ, князь Андрей Ивановичь Хворостининъ, князь Владиміръ Ивановичь Бахтеяровъ-Ростовскій и князь Василій Михайловичь Лобановъ-Ростовскій. Войска съ ними было только 15 тысячь, по сказанію нашихъ лѣтописей: а Польскіе писатели полагали онаго до 50 тысячь пѣшихъ, считая вмѣстѣ съ пригорожанами, способными къ вооруженію, и самыхъ жителей Псковскихъ до 50 же тысячь, а болѣе семи тысячь конницы. Сіе и могло

статься потому, что Воеводы, какъ скоро узнали о выступленіи Короля еще изъ Опочки, то послали во всѣ Псковскія волости, села и засады созывать жителей во Псковъ съ ихъ имуществомъ, что съ собою взять можно; а прочее все и съ домами приказали предать огню. Въ тоже время пришелъ ко Пскову еще отрядъ козаковъ подъ начальствомъ атамана Николая Черкасскаго. Собравъ такимъ образомъ довольное количество народа, Градоначальники сдѣлали распоряженіе и войскамъ и народу, кому какую часть городовой стѣны оборонять отъ непріятелей, и какія гдѣ поставить орудія. Нѣкоторыя слабыя части стѣнъ опи укрѣпили прикопами, деревянными надолбами въ два ряда, насыпавъ промежутокъ землею и на насыпяхъ по мѣстахъ нарубили деревянныя же башни, дабы съ нихъ стрѣлять чрезъ стѣны изъ большихъ пушекъ. Надъ пѣхотою начальствовалъ Косецкій, а надъ козаками Николай Черкасскій; на встрѣчу же Королю Псковичи выслали только два сторожевыя полка подъ начальствомъ воеводъ Ивана Михайловича Бутурлина и Василія Плещеева.

Между тѣмъ Король Стефанъ отъ Острова

шелъ уже безостановочно и впереди пустилъ Венгерцевъ раздѣливъ ихъ на три отряда, изъ коихъ одинъ пошелъ прямо ко Пскову, а два остались въ скрытой засадѣ. Первый, встрѣтивъ сторожевые Псковскіе полки, сдѣлалъ легкую стычку и началъ отступать назадъ: но доведши ихъ до своихъ засадъ, вдругъ всѣ напали, разбили Псковичей и взяли двухъ Воеводъ въ плѣнъ и еще потомъ третьяго, подошедшаго къ нимъ Никиту Кростова; а чрезъ плѣнныхъ Король узнавъ о состояніи города, жителей и засаднаго войска, вслѣдъ затѣмъ къ 18 Августа 1581 года самъ явился съ Польскими и Литовскими войсками за рѣкою Черехою, и тамъ со стороны ручья укрѣпилъ станъ свой тремя рядами обозныхъ повозокъ, о чемъ вѣстовые стражи, отъ Пскова тамъ поставленные, тотчасъ дали знать городу. Тогда общимъ совѣтомъ Воеводъ положено было выжечь все Завеличье, а изъ Церквей и Мирожскаго монастыря все вывезть въ городъ. Войско Польскаго Короля состояло изъ различныхъ народовъ, по сказанію Псковской Лѣтописи изъ 17, по Серапіонову описанію осады Пскова изъ 14, по Лѣтописи Покровской Церкви изъ 12, по Печерской изъ 10, а по Лиф-

ляндскимъ и Польскимъ только изъ Поляковъ, Литвы, разныхъ Нѣмцовъ, Голландцовъ, Прусаковъ, Курляндцовъ и Венгровъ. Число ихъ также полагается различное: по Лѣтописи Покровской и Печерской до 100, по Псковской до 70, по сказанію Нѣмецкаго путешественника Самуила Кихеля (бывшаго во Псковѣ около 1589 г.) до 60; а по Историкамъ Польскимъ яко-бы только 30 тысячъ и пять тысячъ Венгерской конницы и пѣхоты. Если первый счетъ войскъ сихъ увеличенъ; то уменьшенъ и послѣдній. Ибо невѣроятно, чтобы Король осмѣлился съ малымъ корпусомъ войти въ такое Государство, которое могло выставить противъ его многочисленное войско. Современный Польскій Историкъ Гейденштеинъ, описавшій подробно всю сію осаду, говоритъ, что и по окончаніи оной, когда, по силѣ заключеннаго съ Россіею мирнаго договора, войска непріятельскія отходили отъ Пскова, то сверхъ пѣхоты, конницы у нихъ было до двадцати четырехъ тысячъ, а кромѣ того въ завоеванныхъ городахъ оставались еще засадные гарнизоны. Впрочемъ тотъ же Историкъ говоритъ, что самъ Король при началѣ осады осмотрѣвши Псковъ и узнавъ

о состояніи онаго, раскаивался, что давно не послушался совѣтовъ идти подъ сей городъ не замедляя въ пути, и что надлежало бы привести подъ оный втрое больше пѣхоты, въ которой замѣчалъ уже онъ у себя недостатокъ, такъ какъ и въ порохѣ нужномъ для сей осады. По сему думалъ даже оставя Псковъ, идти на Новгородъ, по тогдашнимъ слухамъ меньше укрѣпленный, или къ ближнимъ городамъ Порхову и Гдову, и занявъ ихъ, набѣгами оттуда безпокоить Псковъ. Но стыдъ отступленія отъ Пскова и опасеніе Новагорода удержали его, а наступившая уже осень и не позволяла предпринимать дальнѣйшаго похода. Какъ бы то ни было, Король хотѣлъ сперва облечь весь городъ кругомъ и 26 Августа переправясь чрезъ Череху распорядилъ войска свои въ обходъ. Но сильная стрѣльба со стѣнъ разстроивала ихъ. Для закрытія себя они потомъ начали обходить далѣе лѣсами, около города тогда еще бывшими, но ядра проникали и сквозь лѣса и ломая оныя застилали имъ проходъ и многихъ побивали. Король не ожидалъ, чтобы городъ имѣлъ столь сильную и далеко досязающую артиллерію. Въ самомъ дѣлѣ, по

*

свидѣтельству Гейденштеина, были тамъ такія пушки, которыя семидесяти и осмидесяти фунтовыми ядрами заряжались и пробивали три ряда коробовъ насыпанныхъ землею. Къ вечеру Король уклонился еще далѣе отъ города и расположилъ шатры свои по Порховской дорогѣ на высотахъ въ пяти верстахъ около Николаевскаго Любятова монастыря. Граждане все сіе видѣли со стѣнъ и въ молчаніи только направляли пушки свои на его лагерь; а когда довольно уже смерклось, то открыли безпрестанную и сильную пальбу, отъ которой въ туже ночь снялъ онъ свои шатры и удалясь опять къ рѣкѣ Черехѣ, сталъ за буграми и горами на рѣчкѣ Промежицѣ близъ Спасскаго монастыря. Послѣ того перемѣнилъ онъ все расположеніе своей осады и чтобы не раздѣлять далеко силъ своихъ, рѣшился сдѣлать приступъ съ одной юговосточной линіи градскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ назначилъ онъ уголъ между Покровскою и Свинусскою башнями одной части Венгерцовъ подъ начальствомъ вождя ихъ Гавріила Бекѣша, а другую часть ихъ подъ начальствомъ племянника своего Валтазара переправилъ чрезъ Великую рѣку на лѣвый бе-

регъ. Противъ Свинусской башни велѣлъ стать Полякамъ и загородиться коробами насыпанными землею; отъ Порховской дороги къ Петровскимъ воротамъ стать Литовцамъ, а въ остальномъ промежуткѣ Нѣмцамъ. Въ сіе самое время прибылъ къ Королю отъ Турецкаго Султана для переговоровъ о Татарскихъ на Украйнѣ перебѣжчикахъ посланникъ, которому Король показалъ всѣ свои войска и распоряженія и получилъ отъ него похвалу. По отпускѣ его начаты немедленно подступы. Венгерцы первые подошли къ стѣнамъ между Покровскою и Свинусскою башнею: но вылазкою гражданъ были прогнаны. Августа 27, по сказанію Псковской Лѣтописи о сей осадѣ, нѣкоему благочестивому мужу, именемъ Дороѳею было явленіе и откровеніе отъ Божія Матери о будущемъ нападеніи на градъ со стороны угла крѣпости при Покровскомъ монастырѣ *). Почему Печерскаго

---

*) Все сіе явленіе обстоятельно описано на Иконѣ, находящейся до нынѣ въ той же Покровской Церкви подъ изображеніемъ самаго того явленія. Въ Историческомъ Описаніи Московскаго Успенскаго Собора сказано, что тамъ надъ южными дверми въ деревянномъ кивотѣ стоитъ за стекломъ изображеніе и мѣра Чудотворной иконы Псково-Покровскія Обители, зово-

монастыря игуменъ Тихонъ, еще до осады по повелѣнію Архіепископскому пришедшій въ городъ съ Чудотворными Успенія и Умиленія Богородицы Иконами Печерскаго монастыря, началъ съ духовенствомъ и гражданами совершать ежедневныя Крестныя хожденія съ тѣми Иконами въ помянутое мѣсто, а Воеводы и Бояре поставили въ той части стѣны три Креста завѣтные. Четыре дни послѣ сего не видно было ни какого непріятельскаго движенія. Но Сентября 1-го усмотрено, что по большой Новгородской *) дорогѣ къ загородней Церкви Святаго Алексія, человѣка Божія, и къ градскимъ воротамъ Великимъ, Свинусскимъ и Покров-

---

мыя во Углѣ, на которой изображено вышеупомянутое явленіе. На одной изъ трехъ золотыхъ таблицъ при томъ спискѣ находится слѣдующая надпись: «1740 года, сей образъ тщаніемъ Ея Императорскаго Величества Великой Государыни, Императрицы, Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійскія обложенъ золотымъ окладомъ и украшенъ алмазами по Ея Императорскаго Величества Христолюбивой вѣрѣ къ сему образу для бывшей войны противъ Турокъ и Татаръ съ 1736 по 1740 годъ, которымъ праведныхъ ради молитвъ даровалъ Богъ Всероссійской Имперіи надъ супротивными побѣду».

*) Тогда дорога сія лежала чрезъ рѣку Череху.

скимъ, со стороны Флоро-и-Лаврской, бывшей за Выползовою слободою у Песковъ Церкви, начали они отъ своихъ становъ копать большіе рвы. Три дни занимались они сею работою и выкопали пять большихъ бороздъ рва къ городу и семь поперечныхъ. Внутри сихъ бороздъ, какъ послѣ осады найдено, сдѣлали они 139 большихъ и 904 меньшихъ землянокъ съ печками для жительства полковымъ чиновникамъ и ратникамъ. Прокопы доведены были почти до самыхъ стѣнъ градскихъ и заслонены высокими насыпями, сквозь кои наведены были пушки. 4 Сентября въ ночи со стороны Алексѣевской Церкви, на версту отъ города, они прикатили и поставили туры или насыпные коробы, въ коихъ сдѣлали съѣзжій дворъ для закрытія конныхъ и засадныхъ, а другой таковой же къ Великой рѣкѣ отъ Флоро-и-Лаврской Церкви, еще двое туровъ бойничныхъ противу Свинусскихъ воротъ и угольной Покровской башни; а третьи таковые-жъ туры противъ той же башни за Великою рѣкою, и всѣ оные въ одну ночь насыпали землею; а въ слѣдующій день 5-го Сентября въ бойничныхъ уставили осадную артиллерію. Осажденные, замѣчая все

сіе, сами противу тѣхъ туровъ дѣлали съ своей стороны укрѣпленія, и не надѣясь на одну каменную стѣну свою, начали рубить еще за нею отъ Покровскаго угла по той линіи деревянную тарасами, съ нагрузкою камней и земли на случай пролома: а на каменной поставили большія пушки и особый отрядъ Дворянъ, Стрѣлецкихъ Головъ, стрѣльцовъ и посадскихъ. Сія передовая стѣна отъ Покровской башни до Свинускихъ воротъ особенно поручена была оборонѣ воеводъ Андрея Ивановича Хворостинина и князя Ивана Петровича Шуйскаго. Но ежедневно туда же съѣзжались на совѣтъ и всѣ Бояре и Воеводы. Прочія мѣста крайнихъ стѣнъ и даже средней по слабѣйшимъ частямъ прирублены были также деревянными стѣнами въ тарасахъ съ нагрузкою камней. Всѣ сіи стѣны распредѣлены были въ защиту другимъ Воеводамъ, неотлучно стоявшимъ тамъ день и ночь. 6 Сентября начальствовавшій тогда во Псковскомъ духовенствѣ Печерскій игуменъ Тихонъ по нѣкоему откровенію, съ совѣта прочихъ духовныхъ, по утру благовѣстомъ созвалъ гражданъ въ Соборъ и сдѣлалъ оттуда опять крестный ходъ къ Покровскому углу съ чудотворною

Печерскою Иконою Богородицы, съ Мощами Св. Благовѣрнаго Князя Псковскаго Гавріила и со старою Печерскою хоругвію. Весь народъ сопровождалъ ихъ съ плачемъ и рыданіемъ, не чая ни откуду болѣе помощи и защиты, кромѣ Бога.

На утро 7-го Сентября, при самомъ разсвѣтѣ Король, открывъ стрѣльбу по стѣнамъ градскимъ съ трехъ бойничныхъ туровъ изъ 20 пушекъ и изъ разставленныхъ по прикопамъ, продолжалъ оную во весь день до ночи и на другой день 8-го Сентября отъ утра до девяти часовъ онаго. 24 сажени городовой стѣны отъ Великихъ воротъ до Свинусской башни и весь охабъ были разбиты до земли, и еще 69 саженъ стѣны избиты и разсыпаны въ разныхъ мѣстахъ. Осажденные успѣли наскоро заградить проломъ—только рвомъ и фашинами, работая почти подъ пушечными выстрѣлами. Около полудня того 8-го числа Сентября стрѣльба съ бойничныхъ туровъ умолкла: но появились изъ окоповъ выступившія и къ стѣнамъ шедшія войска. Воеводы, видя приближеніе ихъ, для извѣщенія народа приказали зазвонить въ осадной колоколъ, висѣвшій въ среднемъ городѣ

на стѣнѣ у церкви Василія Великаго на горкѣ; а непріятелей встрѣтили со стѣнъ жестокою пушечною стрѣльбою, коею цѣлые ряды ихъ положили на полѣ. По звуку колокола, изъ всѣхъ концовъ города граждане, прощаяся съ домашними, сбѣгались къ стѣнамъ на оборону, а въ Троицкомъ Соборѣ духовенство съ остальнымъ народомъ начало совершать безпрестанное моленіе. Въ самые полдни, по сказанію Гейденштеина, Нѣмцы,—по сказанію же другихъ, Венгерскіе гайдуки, одѣтые въ латы, подъ предводительствомъ вождей своихъ Борнемиссы, Матѳея Керекеза и Ѳомы Дерцена съ частію Нѣмцевъ, столпясь и закрывшися щитами, усильно и поспѣшно приближались къ пролому отъ Покровской башни съ ручнымъ оружіемъ: но дошедши, вдругъ остановились, либо почитая проломъ для себя тѣснымъ, или встрѣтивъ вышеупомянутую фашинную и палисадную преграду со рвомъ, какъ пишутъ Лифляндскіе Историки; а вѣроятнѣе, сильное сопротивленіе. Тогда Поляки за ними шедшіе, изъ ревности протѣснясь сквозь ихъ, устремилися съ такою яростію па сопротивляющихся; что сломивъ ихъ, стали на проломѣ; другіе взлѣзли на разбитыя

стѣны; третьи взошли уже на Покровскую и Свинусскую башни, и поднявъ тамъ свои знамена, стрѣляли съ высоты на осажденныхъ. Къ нимъ туда же взлѣзли и Венгерскіе вожди Керекеза и Дерцевъ. Самая великая трудность осажденнымъ предстояла—не допустить непріятеля чрезъ проломы въ открытый уже городъ. Ибо къ несчастію не успѣли еще они въ семъ мѣстѣ кончить начатой предъ осадою задней деревянной стѣны въ заслонъ проломной. Не смотря на то, Воеводы съ войскомъ и народомъ упорно отбивали вторгающихся непріятелей и старались сбивать взошедшихъ уже на стѣны. Крикъ съ обѣихъ сторонъ, звукъ и трескъ оружія и взаимные выстрѣлы пищальные заглушали даже всѣ начальническія приказанія, и каждый дѣйствовалъ почти только по своему стремленію. Польскій Король, на все сіе смотрѣвшій за полверсты изъ-за города съ колокольни Никитской церкви, замѣтивъ смятеніе гражданъ, а своихъ уже на башняхъ и на стѣнахъ со знаменами, полагалъ навѣрное взять Псковъ того же дни. Окружавшіе его Бояре, завидуя успѣху и славѣ осаждающихъ, сами выпросились у него къ стѣнамъ, обѣщаясь

встрѣтить его въ городѣ и представить ему плѣнными начальствующихъ Псковскихъ Воеводъ. Такихъ охотниковъ съ Польскими и Литовскими войсками пошло тогда подъ стѣны всего около 2000. Они, все оставивъ Венгерцевъ и Нѣмцевъ на проломѣ, сами взошли на стѣны и въ башни, и оттуду какъ частымъ градомъ осыпали пулями защитниковъ, падавшихъ рядами отъ пораженія и отъ утомленія при случившемся тогда солнечномъ жаркомъ днѣ. Стонъ раненыхъ, разносимыхъ по улицамъ и по домамъ, распространилъ ужасъ по всему городу; а вѣсть о занятіи уже стѣнъ врагами, достигла до множества народа, собравшагося въ Соборѣ на безпрерывное моленіе. Отчаяніе овладѣло всѣхъ сердцами. Всѣ подняли руки къ небу съ рыданіемъ; старые, жены и дѣти наполнили воплемъ всю Церковь, и какъ говоритъ Лѣтописецъ, весь полъ облили слезами, моля о защищеніи града и о внушеніи защитникамъ добраго совѣта и храбрости. Въ то самое время пришло въ мысль Воеводамъ завести большую Псковскую пушку Барса къ церкви Похвалы Богородицы, и поставивъ на раскатѣ, направить на Свинусскую башню, наполненную

лучшихъ чиновниковъ польскихъ. Нѣсколькими выстрѣлами изъ оной потрясена была башня и засыпала многихъ; а Воеводы въ тоже время успѣли подложить еще подъ оную пороху, зажгли и развалинами погребли всѣхъ тамъ засѣвшихъ. Отъ взрыву и погибели многихъ королевскихъ бояръ, ужасъ перешелъ на сторону непріятелей; а осажденные, оживясь мужествомъ, погнали смятенныхъ въ поле. Король, увидѣвъ бѣгущихъ, немедленно выслалъ въ помощь имъ свѣжія лучшія свои войска, съ рѣшительнымъ повелѣніемъ, не отступать отъ стѣнъ до совершеннаго взятія города. Битва непріятельская возобновилась и защитники опять начали ослабѣвать отъ усильнаго напора. Тогда Воеводы послали въ Соборъ къ духовенству сказать, что бы они принесли къ пролому Мощи Святаго Благовѣрнаго Князя Псковскаго Гавріила съ чудотворными Иконами Богородицы и другими. Немедленно подняты изъ Собора сіи Святыни; а напередъ ихъ прискакали къ пролому на коняхъ три монаха, Печерскаго монастыря келарь Арсеній Хвостовъ, Святогорскаго монастыря казначей Іона Наумовъ и игуменъ Мартирій, всѣ родомъ изъ Бояръ и въ мірѣ быв-

шіе храбрыми воинами. Они воскликнули къ Воеводамъ и воинамъ громкимъ голосомъ: «Небойтеся братія! станемъ крѣпко! устремимся вкупѣ на Литовскую силу! Богородица бо къ намъ грядетъ съ милостію и заступленіемъ и со всѣхъ Святыхъ помощію»! Сей нечаянный гласъ духовныхъ воиновъ оживилъ всѣхъ и ослабѣвавшихъ. Всѣ другъ другу повторяли торжественно: «Богородица къ намъ грядетъ! о друзи! умремъ вкупѣ за Христову вѣру и за Православнаго Царя и не предадимъ града Пскова». Вслѣдъ за симъ появилось духовенство несущее Мощи Благовѣрнаго Князя Гавріила и чудотворныя Иконы. Началось молебствіе предъ самымъ проломомъ въ виду защитниковъ и враговъ, и продолжалось шествіемъ къ Покровской Церкви. Сіе зрѣлище вдохнуло защитникамъ такое мужество, что всѣ устремились въ проломъ на непріятелей; самыя женщины вмѣшивались въ сраженіе; иныя приносили жаждущимъ воинамъ питье, иныя подавали оружіе, иныя сами бросали на враговъ каменья и со стѣнъ лили на нихъ кипячую воду, и всякія нечистоты. Сраженіе съ обѣихъ сторонъ было жаркое, долговременное и упорное. Нако-

нецъ при наступавшей уже ночи, непріятели всѣ вытѣснены въ проломъ, сбиты со стѣнъ и прогнаны съ безпорядкомъ въ поле, гдѣ на бѣгу добиваемы были уже народомъ безъ пощады; а иные укрывавшіеся во рвахъ и за стѣнами взяты въ плѣнъ. Больше всѣхъ потерпѣли въ осадѣ и въ отступленіи Венгерцы, кои были напереди. Оставались только засадные въ Покровской башнѣ, изъ коей не можно было ни самимъ имъ сойти, ни выгнать ихъ защитникамъ, хотя многіе уже и тамъ были подстрѣлены. Почему остальные пороховымъ взрывомъ подъ башнею погребены въ развалинахъ. Бѣжавшій непріятель бросилъ на полѣ много оружія и военныхъ снарядовъ, которыя всѣ подобраны гражданами. Такимъ образомъ Псковъ избавился отъ перваго и жесточайшаго Баторіева нападенія. Воеводы, бояре и всѣ граждане обѣщались тогда же въ память сего построить близъ Покровской Церкви новую во имя Рождества Богородицы, день сего приступа, а убіенныхъ своихъ погребли съ честію. Псковская Лѣтопись при семъ жалуясь на укрывавшагося въ Старицѣ городѣ Царя Ивана Васильевича, говоритъ: «а у него было въ собраніи тогда

триста тысячъ; а на выручку Бояръ своихъ не посылалъ подо Псковъ, ни самъ не пошелъ: но страхомъ одержимъ бѣ». Король Стефанъ Баторій на семъ приступѣ потерялъ знатныхъ и храбрыхъ чиновниковъ болѣе 40 своихъ, и толикое-жъ число Венгерскихъ, по признанію самихъ Польскихъ историковъ; а Венгерскій корпусъ лишился и предводителя своего Гавріила Бекеша. Наши Статейныя книги полагаютъ тогда потерю его до семи тысячъ убитыми; а Псковскій описатель осады сей,—болѣе 5 тысячъ убитыми и вдвое раневыми. Напротивъ того изъ Псковскаго войска считаетъ онъ только 863 убитыхъ, и 1106, а по другому списку 1526 раневыхъ. Въ числѣ убитыхъ у насъ былъ казацкій начальникъ Николай Черкасскій. Какъ бы то ни было: но Король послѣ сей первой неудачи въ приступѣ долго не предпринималъ ничего важнаго противъ города. Въ совѣтѣ его рѣшено было только продолжать осаду, и сперва безпокоить осажденныхъ частыми подступами и стрѣльбою по стѣнамъ, потомъ увѣщевать къ добровольной сдачѣ, а наконецъ ворваться въ городъ подкопами. Между тѣмъ осажденные успѣли противу пролома

срубить назади деревянную стѣну съ такими же башнями; уставили по ней и въ башняхъ большія орудія; прокопали еще между проломомъ и сею стѣною рвы; укрѣпили ихъ дубовыми засѣками въ тарасахъ, надолбами и полисадомъ; заготовили много зажигательныхъ снарядовъ для метанія на непріятелей, и даже сухую сѣяную известь для бросанія имъ въ глаза и проч. Каждый день, а иногда по дважды и трижды на день подходили непріятельскіе отряды къ стѣнамъ: но всегда удачно были отбиваемы осажденными. Послѣ сего Король написалъ къ Воеводамъ, боярамъ и гражданамъ увѣщательную граммату о сдачѣ города со многими льстивыми обѣщаніями; а въ случаѣ упорства съ угрозами, и велѣлъ имъ бросить оную въ городъ на стрѣлѣ. Но ему такимъ же образомъ отвѣчали съ отказомъ и съ грубостію; а вслѣдъ за тѣмъ сами осажденные начали дѣлать на отряды его вылазки, коими хватали многихъ и чрезъ нихъ допытывались о состояніи его войска. Въ одну изъ таковыхъ вылазокъ за Варлаамскими воротами поймали они нѣсколько Литовцевъ и отъ нихъ узнали, что съ 17 Сентября поведено уже отъ непріятеля

подъ городъ съ различныхъ сторонъ девять подкоповъ, раздѣленныхъ по корпусамъ войскъ, и Венгерскій подкопъ скорѣе всѣхъ оконченъ будетъ. Но гдѣ сіи подкопы, плѣнные указать не могли, отзываясь тѣмъ, что ведутся оные въ тайнѣ. Граждане долго искали мѣстъ сихъ посредствомъ копанія слуховыхъ ямъ, однако-жъ безъ успѣха, и безпрестанными Крестохожденіями къ пролому молили только Бога объ открытіи сей имъ тайны. Но какъ скоро приходили они на мѣсто пролома, то Литовскіе гайдуки услышавъ пѣніе, осыпали ихъ изъ-за стѣны бросаемыми каменьями. 20 Сентября по обыкновенію пришли они туда съ чудотворными Иконами, въ числѣ коихъ принесена была и Св. Великомученика Димитрія Селунскаго, греческаго Корсунскаго письма. Гайдуки не преминули бросить и при семъ случаѣ тучу каменьевъ на народъ, и одинъ большой камень прямо ударился въ икону св. Димитрія и выбилъ большое мѣсто на иконѣ въ воинскомъ его доспѣхѣ золоченнаго оклада, выше пояса, противъ праваго рама, а подъ нимъ пробилъ и живопись и доску. Народъ съ ужасомъ тогда воскликнулъ: «О великомучениче Димитріе! дер-

зость вражія не только надъ нами, но и надъ Святымъ твоимъ чудотворнымъ Образомъ поругается! но ты избавилъ еси отъ плѣна и свой градъ Солунь; ты и Великому Князю Александру Ярославичу Невскому на озерѣ Чудскомъ поганыхъ Нѣмцевъ прогнавшему, и сію Пскову твою съ собою носившему споборалъ еси. Ополчися и за ся и за ны на сопротивныя нынѣ, и открый намъ ихъ козни»! Послѣдняя молитва дѣйствительно была вскорѣ услышана. Ибо въ тотъ же день 20 Сентября перебѣжалъ въ городъ изъ Литовскаго войска одинъ бывшій Полотскій русскій стрѣлецъ, именемъ Игнатій, который указалъ Воеводамъ всѣ мѣста подкоповъ. Немедленно начали по указанію копать поперечный подъ стѣною ровъ и 23 Сентября встрѣтили одинъ подкопъ пониже воротъ Покровскихъ и Свинусскихъ; другой уже подъ Покровскою башнею; а многіе еще за городомъ, а иные найдены завалившимися сами собою. Гейденштейнъ говоритъ, что каменистый грунтъ земли мѣшалъ продолжать оные: а Венгерцы прокопали только свой до стѣны по поверхности земли и прикрыли было оный землею на плетневыхъ рѣшеткахъ. Тогда Король

увидѣвъ, что и послѣднее совѣтомъ его придуманное средство безуспѣшно, снова обратился къ первому и усугубилъ свои приступы. Каждый день отъ него посылаемые отряды порывались открыть опять проломъ и взойти на стѣны: однако-жъ всегда съ урономъ были отражаемы. Для облегченія себѣ предпріятія сего Король велѣлъ съ устроенной на Завеличьѣ батареи почти цѣлый день 24 Октября бросать въ городъ бомбы, а съ Мирожской колокольни раскаленныя ядра, дабы произвести ими пожаръ отъ стѣнъ развлечь войска и гражданъ по улицамъ. Однако-жъ и сіе было безуспѣшно. Потомъ онъ выдумалъ странное средство разрушать стѣны Псковскія, и именно, 28 Октября подослалъ подъ стѣну отъ Покровской башни до водяныхъ Покровскихъ же воротъ гайдуковъ Литовскихъ, которые закрывшись большими щитами, начали ту стѣну подсѣкать кирками и ломами. Но противъ ихъ Псковичи также изобрѣли необыкновенное оружіе, кнутъ съ острыми крюками, навязанный на шестъ, которымъ съ размаху зацепляя подкопателей за платье, а иногда и за тѣло, вздергивали ихъ къ себѣ на стѣну, а стрѣльцы между тѣмъ разстрѣливали

ихъ висячихъ; другихъ отгоняли взливаніемъ на нихъ кипячей смолы, бросаніемъ осмоленной и зажженной пакли и кувшиновъ наполненныхъ порохомъ, также стрѣляніемъ сквозь стѣну въ проверченныя окна, коля взлѣзавшихъ, а иныхъ задавливали низвергаемыми большими каменьями, и наконецъ всѣхъ отогнали. Съ сихъ поръ отъ неудачи началось оказываться неудовольствіе въ войскахъ Баторіевыхъ, требовавшихъ уже отступленія. Король съ трудомъ уговорилъ ихъ сдѣлать еще два, или три рѣшительныхъ приступа, послѣ коихъ въ случаѣ не успѣха, обѣщался вывести ихъ изъ окоповъ и изъ-подъ стѣнъ. Онъ приказалъ изъ Завеличья, съ батареи безпрестанно бить въ набережный уголъ, дабы пробивъ оный дать направленіе ядрамъ вдоль стѣны Покровской, и тѣмъ воспрепятствовать осажденнымъ входъ на стѣны, а себѣ съ поля дѣлать свободные приступы. Пять дней продолжаема была батарейная стрѣльба, и когда сдѣлала уже довольной проломъ въ набережной стѣнѣ, то Ноября 2 приведены были подъ оную на приступъ гайдуки по замерзшей уже рѣкѣ. Осажденные встрѣтили ихъ мужественно и своими

пушками съ пролома побивали цѣлые ряды ихъ. Тщетно ѣздившіе на коняхъ предводители, то ободреніями, то угрозами и даже сабельными ударами принуждали ихъ всходить на проломъ, въ каждое приближеніе сами съ осаждающими устилали только рѣку трупами своими. Наконецъ безъ успѣха и въ сей день отступили. Осажденные между тѣмъ опасаясь продолженія осады, писали и къ Царю и къ сосѣднимъ городамъ прозбы о подаяніи себѣ помощи. Нѣкоторыя изъ сихъ писемъ были непріятелями перехвачены и только ободрили ихъ къ усиліямъ. Но нѣкоторыя дошли до своихъ мѣстъ. Изъ Гдова поднялся одинъ отрядъ по Чудскому и Псковскому озеру еще до заморозовъ. Но Королевскій Гетманъ Замойскій узнавъ о семъ, перегородилъ рѣку лодками и плотами на цѣпяхъ. На лодки посадилъ Нѣмецкія войска, а по берегамъ для стражи разставилъ еще пѣхоту подъ Начальствомъ Вролецкаго. Въ тоже время пришли еще къ Королю свѣжіе отряды войскъ, Варшавскій Кастелланъ Резайскій со ста пятидесятью ратниковъ, Стефанъ Билавскій съ семью стами конныхъ, Николай Корфъ и Вилгелмъ Платеръ съ нѣс-

колькими конными изъ Лифляндцевъ. Всѣмъ имъ назначенъ станъ около Свѣтогорскаго Монастыря и приказано имъ лагерь свой окопать рвами для безопасности отъ набѣговъ. Плывшіе въ помощь Пскову изъ Гдова достигли къ устью ночью; но встрѣтивъ преграду и нечаянное нападеніе отъ непріятелей, выскочили на берегъ, а передъ разсвѣтомъ всѣ переловлены и приведены въ лагерь. По сказанію Гейденштеина, въ числѣ ихъ было до 200 Боярскихъ дѣтей. Немного времени спустя выплылъ было и изъ Дерпта ко Пскову Русской отрядъ: но по приближеніи замѣтивъ непріятельскую засаду, воротился назадъ. Послѣ того Стрѣлецкій голова Никита Хвостовъ съ семью тысячами стрѣльцовъ присланъ былъ отъ Царя. Но Замойскій узнавъ о семъ, весь корпусъ около Свѣтогорскаго Монастыря стоявшихъ войскъ разставилъ отводными стражами до города и до Псковы рѣки. Къ нимъ присовокупились еще и Литовцы. Хвостовъ узнавъ о семъ, простоялъ нѣсколько времени на одномъ острову Псковскаго озера, потомъ высадясь на берегъ, потянулся ночью въ лѣво ко Пскову лѣсами. Но стрѣльцы его начали отъ страха разбѣгаться

и по сказанію Гейденштеина яко бы оставалось у него не болѣе 300 человѣкъ. Въ сію ночь непріятельскіе отводные на стражи отъ осенняго холода засвѣтили у себя огни, и сіе то помогло ведшему передовой отрядъ стрѣльцовъ Данилѣ Исленьеву обойти ихъ въ расплохъ и войти въ городъ; а Хвостовъ, шедшій съ заднимъ отрядомъ, опоздавшій къ разсвѣту, вышедши изъ лѣсовъ, скрылся было въ кустарникахъ: но конные Волынскаго Палатина Андрея Вишневецкаго поимали его и привели къ Королю. Прочіе ушедшіе отъ него частію побиты, а частію переловлены. Спустя нѣсколько дней присланъ еще отъ Царя стрѣлецкій Голова Ѳедоръ Мясоѣдовъ съ корпусомъ стрѣльцовъ. Онъ обошелъ Литовскихъ отводныхъ стражей: но задній его отрядъ замѣченъ непріятелями, которые напали на него, около 150 человѣкъ побили и до 60 полонили, прочіе однако-жъ вошли въ городъ. Псковской описатель сей осады полагаетъ приходъ сего корпуса причиною, что Король 6 Ноября ночью вывелъ изъ окоповъ свои войска и даже съ батарей своихъ снялъ пушки. Но одна причина сія была недостаточна. Статейные списки

говорятъ, что и безъ того Польскіе и Венгерскіе Вельможи, скучивъ безуспѣшною осадою, усильно уже совѣтовали Королю и Великому Гетману Замойскому вступить въ переговоры о мирѣ и уменьшить свои требованія при оныхъ; а наемныя войска вовсе служить отказывались и просили отпуска; иные-жъ и безъ отпуска уходили домой. Польскіе Историки еще присовокупляютъ, что войска вообще роптали и на чрезвычайную строгость Великаго Гетмана Замойскаго, и на Королевское будто бы намѣреніе раздѣлить всю Лифляндію во владѣніе племянникамъ своимъ Венгерцамъ; а Литовцы подали даже письменную просьбу Королю объ окончаніи войны и назначили даже срокъ оному. Въ тоже время по войску появлялись уже пасквильные стихи на Замойскаго. Все сіе извѣстно было и осажденнымъ отъ многихъ къ нимъ перебѣжчиковъ, изъ коихъ одинъ нѣкто Савва принесъ имъ и списокъ съ Литовской прозбы, поданной Королю. Важнѣйшее-жъ затрудненіе непріятелей состояло въ томъ, что у нихъ недоставало пороху, котораго и просилъ Король у Курляндцевъ и Рижанъ взаймы, а также и нѣсколько стрѣлковъ. Почему

Рижане прислали ему огнаго 80 бочекъ съ 200 стрѣлками. Однако-жъ сіе пособіе онъ употребилъ уже не столько на Псковъ, какъ на разореніе Псковской и Новгородской Области. Сего именно просили у него и войска, оставшіяся еще при немъ. Ибо въ наступившую глубокую, сперва грязную, а потомъ холодную и морозную осень, почувствовали они крайнее неудобство держаться всѣмъ при Псковѣ, по недостатку квартиръ и пропитанія людямъ и лошадямъ. Рожъ въ ихъ стану продавалась уже по 2 рубли четверть, грошевой хлѣбъ печеной по 12 копѣекъ, корова по 5 рублей и такъ далѣе. Сѣна и соломы трудно было и достать, и не меньше какъ за 200 верстъ, отъ чего начали падать и лошади. Сверхъ того Король крайне оскудѣлъ и въ деньгахъ. Наемныя войска считали уже свои на немъ недоимки, и какъ выше сказано, уходили отъ Пскова изъ самаго стана его; а шедшіе къ нему и еще на помощь 3,000 Нѣмецкаго войска, услышавъ о семъ, съ дороги воротились и отъ случившейся тогда жестокой зимы въ лагерѣ его открылись повальныя горячки. Въ сихъ обстоятельствахъ разослалъ онъ какъ для

предохраненія отъ повальныхъ болѣзней, такъ и для прокорму и собиранія запасовъ по сторонамъ многіе отряды своего войска, которыя вездѣ производили разореніе, добѣгали и до Гдова, а Кобылинскъ заняли. Съ другой стороны отъ Могилева и Шклова оставленный тамъ Королемъ Христофоръ Радзивилъ съ Филономъ Кмитою и Гарабурдою, присоединивъ къ себѣ Литовскихъ Татаръ, двинулись на южные города. Кмита съ двумя почти тысячами конницы и съ Татарами, подъ начальствомъ Гарабурды бывшими, вышедъ изъ Великихъ Лукъ, простерся за Торопецъ къ Старицѣ, гдѣ пребывалъ тогда Царь. Къ нимъ подошелъ и Радзивилъ и съ ними началъ тамъ разорять селенія: но высланными противу ихъ отъ Царя войсками удержаны они и поворотили къ Тороцу, котораго однако-жъ не взяли. Оттуду Радзивилъ потянулся къ Холму и къ Старой Русѣ, гдѣ имѣлъ также нѣсколько сшибокъ съ Новгородскими войсками и надѣлавъ много опустошеній, возвратился къ Королю. Но наши Лѣтописи говорятъ, что Литовцы простерлись даже до Новгорода и засѣли въ Юрьевѣ Монастырѣ, тогда какъ съ 40 тысячами войска

Князь Юрій Голицынъ сидѣлъ тамъ въ городѣ безъ дѣйствія, и отъ страха самъ хотѣлъ выжечь торговую сторону. Ржева Володимірова въ тоже время занята была Оршанскимъ Старостою Филономъ Кмитою.

Съ другой стороны Шведской Король Іоаннъ, союзникъ Баторіевъ, по всѣмъ сѣвернымъ границамъ отъ Корелы, или Кексгольма до предѣловъ Естляндіи продолжалъ также сильныя нападенія. Выше уже сказано, что онъ еще при началѣ войны напалъ на Новгородскую и Псковскую Область. Его Адмиралъ Бенгтъ Севризонъ Гилленлодъ приплылъ подъ Нарву, превратилъ въ пепелъ Лифляндское предмѣстіе оной и неоднократно поджигалъ Иванъ-городъ; тамъ же захватилъ нѣсколько купеческихъ Русскихъ судовъ и отвелъ въ Ревель и Стокгольмъ; потомъ заперъ Нарву съ сухаго пути и многихъ находившихся тамъ Россіянъ изрубилъ. А хотя вскорѣ Россіяне прогнали его съ великимъ урономъ, и преслѣдовали до Нингофа, Гаріена и Вика: но не вытѣснили изъ Естляндіи. Между тѣмъ другой Шведскій Полководецъ Понтъ де-ла Гарди со стороны Финляндіи разорялъ Россійскія засады, выжегъ

Кексгольмъ бранскугелями, а оттуду въ Генварѣ 1581 года, хотя съ великимъ трудомъ, по льду пришелъ къ своему товарищу; и поелику во время похода Царя Ивана Васильевича по всѣмъ почти знатнѣйшимъ городамъ Лифляндскимъ и Естляндскимъ оставлены были засады Русскихъ войскъ, то оба сіи полководца Шведскіе на нихъ особенно обратили свое оружіе. Крѣпости Падисъ по семимѣсячной, Везенбергъ по недѣльной осадѣ, а Толеборгъ чрезъ четыре дни взяты были сдачею и Россіяне выпущены на договорѣ. Послѣ того де-ла Гарди отправился въ Стокгольмъ за свѣжими войсками и военными припасами; а въ отсутствіе его вытѣснены Россіяне изъ всего Естляндскаго Вика, взяты Лоде Виккель и Замокъ Реальскій. Но въ Гапсалѣ они упорно защищались и уступили (Августа 9-го) не иначе, какъ съ дозволеніемъ свободнаго выхода. Потомъ де-ла Гарди возвратившійся съ свѣжими войсками и съ титломъ Ингерманландскаго и Естляндскаго Намѣстника, немедленно ворвался въ Новгородскую Область, выжегъ Сыренескъ или Нейшлоссъ 27 Іюля, изрубилъ встрѣтившійся отрядъ Россіянъ, и пошелъ подъ Нарву, куда

прибылъ флотомъ и Адмиралъ Station Класъ Флеммингъ съ тяжелою артиллеріею. 3 Сентября 1581 года начата осада и двое сутокъ съ трехъ сторонъ изъ 24 орудій производимая стрѣльба сдѣлала большія отверстія: но Россіяне еще не сдавались. Сдѣланъ потомъ приступъ самый жестокій. Сопротивленіе было всевозможное, и когда, по сказанію Шведскихъ Историковъ, изрублено уже было 2000 стрѣльцовъ, 300 дворянъ со служителями и множество другихъ, всего яко бы болѣе 5000, то осажденные 6 Сентября сдались. Послѣ сего непріятели обратились на сопротиволежащій Иванъ-городъ и по немъ открыли жестокую пальбу: но тамошній гарнизонъ, видѣвшій уже взятіе Нарвы, самъ на договорѣ 17 Сентября безъ обороны уступилъ свое мѣсто. Вслѣдъ за тѣмъ 28 Сентября взятъ Ямбургъ, а 10 Октября Копорье. Городъ Виттенштейнъ нѣсколько долѣе держался: но недостатокъ припасовъ и непріятельская стрѣльба привудила 26 Ноября и оный къ сдачѣ. Кончивъ сіи завоеванія, де-ла Гарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ Ревель и слушалъ въ Русской церкви Св. Николая благодарственной молебенъ за успѣхи Шведскаго оружія съ

воспоминаніемъ своего имени. Послѣ сего предложилъ онъ Баторію готовность свою придти со Шведскимъ и Нѣмецкими полками и артиллеріею подъ Псковъ. Но честолюбивый Король, думавшій уже по завоеваніи Пскова отнять и у Шведовъ Естляндію, какъ пишутъ Лифляндскіе Историки, не принялъ сего предложенія, хотя и продолжалъ дружескую переписку съ Шведскимъ Королемъ. Польскіе-жъ Историки пишутъ, яко бы Баторій жаловался, что ему не помогаютъ Шведы. За симъ, пока осада Пскова продолжалась, Шведскіе, равно какъ и Польскіе отряды отнимали у Русскихъ другіе городки и мѣстечки по Лифляндіи, а иные по озеру Чудскому и Псковскому и по окрестнымъ берегамъ перехватывали Псковскія суда и грабили селенія. Но взаимно и Русскіе, выходя изъ Новогородка (Нейгаузена), Печерскаго Монастыря, Изборска, Гдова и Дерпта, побивали сихъ бродягъ и отнимали у нихъ награбленное. Псковская Лѣтопись говоритъ, что Шведы въ сію войну отбили въ одной Естляндіи 10 городовъ, занятыхъ нашими войсками, а Воеводъ и людей всѣхъ побили, и присовокупляетъ къ тому: «исбысться писаніе, еже аще кто чужаго

похощетъ, по малѣ и своего останетъ. Царь Иванъ не на велико время чужую землю веемъ, а по малѣ и своей не удержа, а людей вдвое погуби».

Достойна здѣсь особеннаго упоминовенія жестокая осада, каковую тогда же вытерпѣлъ и Псково-печерскій монастырь, старавшійся помогать Пскову ловленіемъ и побиваніемъ непріятельскихъ отрядовъ, перехватываніемъ ихъ обозовъ, съ припасами шедшихъ ко Пскову и возвращавшихся оттуду отпускаемыхъ войскъ въ Литву съ награбленнымъ имѣніемъ и съ плѣнными. Баторій, занятый преимущественно Псковомъ, терпѣлъ пока сіи оскорбленія. Но когда привозившаго ему порохъ изъ Риги переводчика Іоакима, возвращавшагося съ отрядомъ отпущенныхъ изъ подъ Пскова съ плѣнными наемныхъ лифляндскихъ войскъ около 300 человѣкъ и весь ихъ обозъ, Печерскіе люди Октября 25 близъ монастыря своего на рѣчкѣ Пачковкѣ разбили, самаго переводчика съ нѣсколькими ратниками до 30 человѣкъ и съ ними болѣе 30 телѣгъ полонили и забрали въ монастырь, а прочіе ушедшіе обратно во Псковъ донесли о томъ Королю; то онъ вышедъ изъ

терпѣнія прислалъ 29 того же мѣсяца подъ монастырь отрядъ Нѣмцевъ съ тремя осадными пушками подъ начальствомъ Нѣмецкаго полковника Георгія Фаренсбаха съ подначальными ему офицерами, Вильгельмомъ Кетлеромъ, племянникомъ герцога Курляндскаго, Рейнгольдомъ Тизенгаузеномъ изъ Берзона, Каспаромъ Тизенгаузеномъ изъ Одензе, и Юріемъ Кранбекомъ. Осада монастыря начата 5-го Ноября за день до снятія осады Пскова, и всѣми тремя направленными въ одну башню пушками скоро сдѣланъ былъ проломъ, въ который устремились непріятели съ лѣстницами. Но монахи вынесши на проломъ сей старую Икону Успенія Божія Матере храбро отбивались. Рейнгольдъ, Касперъ и Кетлеръ, надѣясь пробраться въ монастырь сквозь башню, приставили лѣстницы и по онымъ взошедъ спускались уже внутрь: но первый изъ нихъ обломясь ушибся до смерти; а послѣдовавшіе за нимъ въ башнѣ захвачены въ плѣнъ; съ прочими монахи и находившіеся въ ихъ монастырѣ люди бились отъ третьяго часа дни до ночи и совершенно отразили нападающихъ. Въ семъ сраженіи раненъ былъ и Юрій Кранбекъ. Когда вѣсть о сей неудачѣ дошла

до Короля, то немедленно еще отправилъ онъ въ помощь осаждающихъ пять сотъ пѣшихъ Венгерцовъ подъ начальствомъ ихъ начальника Іоанна Борнемиссы или Берномиссы съ четырьмя большими пушками. По приходѣ ихъ началось пріуготовленіе ко второму приступу въ двухъ мѣстахъ съ той же стороны. Нѣмцы пушками распространили прежній проломъ, а Венгерцы открывали себѣ новый. По двудневной стрѣльбѣ, Ноября 14 начатъ приступъ. Въ то же время съ противной стороны Ѳома Соландъ съ нѣсколькими маркитантами и Польскими казаками для развлеченія осажденныхъ полѣзъ на Никольскую колокольню, а снизу велѣлъ разбивать ворота: но прежде всѣхъ отогнанъ. Нѣмцовъ и Венгерцовъ осажденные такъ же не впустили въ проломы. Гейденштеинъ говоритъ, что неудачу сію Русскіе приписали чуду, а наши-де очарованію и волшебству. Самъ же онъ приписываетъ сіе небреженію и раздѣленію силъ осаждавшихъ, и приступамъ не въ одно время, а тѣмъ-де самымъ данъ способъ осажденнымъ совокупно отбивать каждое нападеніе. Но какъ бы то ни было, наша Псково-печерская Лѣтопись приписываетъ сіе чудной

помощи Божіей и благоразумному распоряженію бывшаго въ монастырѣ засаднымъ головою Юрью Нечаеву съ 200 или 300 стрѣльцовъ, которымъ, и безпрестанными молитвами на стѣнахъ, и ревностнымъ содѣйствіемъ помогали сами монахи: даже и укрывавшіеся отъ нашествія враговъ сихъ въ обители женщины и дѣти сталкивали ихъ со стѣнъ оружіемъ, кипятили воду и лили на взлѣзающихъ; другіе заряжая пищали, подавали ихъ ратникамъ. Нельзя винить и непріятелей въ слабости и небреженіи; потому что битва была самая кровопролитная—отъ 10 часовъ утра до сумерковъ,—и осаждающіе сбиты уже поздно съ башенъ и со стѣнъ. При всемъ томъ, изъ монастырскихъ людей на всѣхъ приступахъ ранеными и убитыми оказалось только до 40 человѣкъ. Но отъ стѣсненія народа, въ монастырскихъ келліяхъ, по осеннему времени, много было больныхъ. Лифляндскіе лѣтописатели сказываютъ, что при семъ случаѣ монахи со стѣнъ разговаривая съ Борнемиссою, Венгерскимъ военачальникомъ, укоряли его тѣмъ, что онъ съ ратниками своими оказываетъ храбрость надъ безоружнымъ монастыремъ и храмомъ Божіимъ, и если желаютъ

*

они сражаться, то шли бы ко Пскову, гдѣ найдутъ себѣ приличныхъ сопротивниковъ. Они даже упрекнули ему тѣмъ, что Венгерцы вѣроломны и въ словѣ неустойчивы; а потому и нельзя осажденнымъ рѣшиться на сдачу имъ своей обители. Послѣ сей вторичной неудачи, приведшей въ стыдъ Короля Баторія, коронный его канцлеръ и великій гетманъ Янъ Замойскій вздумалъ лестію преклонить монаховъ къ сдачѣ монастыря. Онъ, чрезъ 10 дней послѣ приступовъ, прислалъ имъ изъ Пскова Икону Благовѣщенія Богородицы, писанную на стеклѣ, яко бы изъ Іерусалима полученную, съ рѣзнымъ образцомъ дому Іосифова и при нихъ увѣщательную грамату *), коею сперва укоряя монаховъ, что они облили-де Святое мѣсто кровію, ловили и убили королевскихъ людей, а иныхъ и доселѣ у себя въ монастырѣ держатъ, воспротивились малому отряду, посланному не для разоренія монастыря и Церквей, которыя Король почитаетъ, а для того, чтобъ вывезти изъ монастыря такихъ монаховъ, живущихъ не

*) Грамата сія напечатана въ повѣсти о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря 1807 года въ Московской Синод. Типографіи.

по христіански; потомъ увѣдомляя, что и онъ идетъ къ нимъ съ войскомъ и пушечнымъ снарядомъ, увѣщеваетъ ихъ, чтобъ они сдавъ монастырь, стрѣльцовъ изъ монастыря выслали, или и сами совсѣмъ имуществомъ вышли куда хотятъ, либо спокойно оставались бы, но Королевскихъ людей плѣнныхъ съ ихъ имѣніемъ сохранили-бъ. Иначе, писалъ онъ, не буду я виновенъ, что разорится все Святое мѣсто, осквернятся Святыя Церкви и прольется много христіанской крови. По прочтеніи сей граматы, и монахи и ратные рѣшились единодушно не сдавать монастыря и защищаться до смерти. Для объявленія отвѣта сего на Замойскаго грамату, они выбрали однаго схимонаха, именемъ Патермуфія, который облачась во всю схимническую свою одежду, вышелъ на стѣну и сквозь стѣнное окно сказалъ присланнымъ о рѣшеніи своей братіи; а она со стѣнъ тоже повторила крикомъ своимъ и въ слѣдъ за тѣмъ пустила выстрѣлы на осаждающихъ. Послѣ сего наступившіе сильные морозы принудили непріятелей прекратить приступъ и довольствоваться однимъ только непропусканіемъ ни кого ни изъ монастыря, ни

въ монастырь до самаго заключенія мира; а одинъ отрядъ ихъ занялъ было Изборскъ: но тамъ всѣ они взяты въ плѣнъ и отправлены въ Москву. Плѣнныхъ было дворянъ 103, а простыхъ 60 человѣкъ, какъ пишетъ Полякъ Папроцкій.

Между тѣмъ, отправленное въ прошломъ еще лѣтѣ, отъ Царя посольство къ Папѣ Григорію XIII, было успѣшно и въ то самое время, когда Баторій еще изъ Великихъ Лукъ двинулся ко Пскову, ѣхалъ уже отъ Папы къ Царю іезуитъ Антоній Поссевинъ, славный въ тогдашнее время успѣхами въ папскихъ посольствахъ по разнымъ государствамъ. Онъ прибылъ въ Старицу 1581 года въ Августѣ, и привезъ Папскія граматы Царю, царицѣ и царевичамъ. Послѣ переговоровъ съ Царемъ, онъ отправился съ довѣренностію о мирныхъ договорахъ къ Королю Баторію подъ Псковъ, и прибылъ Сентября въ первыхъ числахъ; то есть въ самомъ первомъ жару осады и твердаго предувѣренія Баторіева о несомнѣнномъ успѣхѣ. А потому первыя предложенія Поссевиновы о съѣздѣ обоюдныхъ пословъ для мирнаго договора Баторіемъ были отринуты. Онъ и гетманъ его

Замойскій слышать не хотѣли о какой-нибудь уступкѣ, а особливо Лифляндіи; объявили посреднику сему, что они не намѣрены посылать на съѣздъ своихъ пословъ для переговоровъ; что не они, а Царь имѣетъ нужду въ мирѣ; что рвенія своихъ войскъ унять они не могутъ; что не смотря на приближающуюся зиму, будутъ во всю оную продолжать осаду Пскова; что для войска ихъ строются уже домы, землянки и избы; а по взятіи Пскова намѣрены продолжать завоеванія свои внутри Россіи; къ договорамъ же не приступятъ до тѣхъ поръ, пока Царь всѣхъ своихъ людей и войска не выведетъ изъ Лифляндскихъ мѣстъ. Ибо въ 15 тамошнихъ городахъ еще оставались оныя. Съ такимъ отвѣтомъ Поссевинъ въ слѣдующемъ Октябрѣ мѣсяцѣ того же 1581 года послалъ извѣстіе къ Царю въ Старицу. По полученіи онаго, на другой же день Царь съ совѣта окружавшихъ его Бояръ отвѣчалъ Поссевину, что онъ соглашается уступить Королю всѣ Лифляндскіе города и мѣстечки; но что бы и онъ уступилъ Царю всѣ завоеванные имъ Русскіе города отъ Двины; а для договора выслать обоюдныхъ пословъ на Полотскую дорогу между Порховомъ

и Зголочьемъ въ Запольскій Станъ и въ замиреніе не включать Шведскаго Короля. Послѣднею статьею можетъ быть Царь предоставлялъ себѣ время потерю Лифляндіи замѣнить завоеваніемъ Естляндіи: а Лифляндскіе и Шведскіе Историки пишутъ, что оная внушена ему іезуитомъ же Поссевиномъ съ согласія и Короля Польскаго, завидовавшаго успѣхамъ оружія Шведовъ и не искренно соблюдавшаго союзъ свой съ ними. Неудачи подъ Псковомъ, которыхъ и не зналъ Царь, а слышалъ даже о взятіи его, какъ говоритъ Псковская Лѣтопись, болѣе всего преклонили Баторія къ согласію на переговоры, и онъ думая Псковъ принудить къ сдачѣ однимъ облежаніемъ и голодомъ, какой самъ терпѣлъ, назначилъ пока отъ себя на съѣздъ Бояръ своихъ Стефана Зборовскаго Воеводу Брацлавскаго, Албрехта Радзивила, Князя Олыкскаго, Маршала Литовскаго, и переводчика Секретаря Михайла Гарабурду; а Ноября 14 подписавъ проѣзжія граматы Русскимъ посламъ, оставилъ подъ Псковомъ Гетмана Замойскаго, и самъ уѣхалъ для сбора новыхъ войскъ припасовъ и денегъ на Сеймъ въ Варшаву; а за нимъ ушло и все охотническое Литовское войско, не обѣщавшись и возвращаться.

Король отправился чрезъ Островъ и Красной городъ на Люцынъ къ Динабургу, но обозъ его потерпѣлъ на пути отъ засадныхъ по крѣпостямъ Русскихъ войскъ; а оставшійся при Псковѣ его Великій Гетманъ Замойскій съ Польскими жалованными и съ приведенными изъ-подъ Старицы Радзивиломъ войсками довольствовался только разсылкою своихъ отрядовъ около города и содержаніемъ его въ блокадѣ, а шесть сотъ Литовцовъ оттуда же возвратившихся выпросились квартировать по деревнямъ около Порхова. Изъ Польскихъ же волонтеровъ не многіе при немъ остались. Осажденные между тѣмъ не переставали дѣлать вылазки и многихъ побивали; а иныхъ захватывали въ плѣнъ и чрезъ нихъ допытывались о состояніи осадныхъ войскъ. Были даже и перебѣжчики, отъ непріятелей приходившіе въ городъ; но по сказанію Гейденштеина, поиманный на вылазкѣ, а потомъ сказавшійся перебѣжчикомъ, одинъ, Шуйскаго подьячій, Савва Сутурма открылъ такъ же непріятелямъ все внутреннее состояніе города,—и Замойскій узналъ отъ него, что если прерваны будутъ къ осажденнымъ всѣ подвозы припасовъ и под-

ходъ войскъ, то не много далѣе Маія мѣсяца держаться они могутъ: но осаждающіе еще больше терпѣли нужды во всемъ. Въ сей крайности, по словамъ того же Историка, Замойскій уже думалъ развести войска свои по городамъ; въ Печеры, Порховъ и Гдовъ; или если найдетъ въ семъ затрудненіе, то построить засѣки по дорогамъ отъ сихъ городовъ и отъ Новагорода для засады своихъ войскъ, а самому съ частію оныхъ идти на Новгородъ къ озеру Ильменю, къ Старой Русѣ и къ Осташкову и разъѣзжать по Новгородскимъ, Тверскимъ и Московскимъ волостямъ. Такія намѣренія, хотя и неисполненныя, доказывали дѣйствительную его крайность. Но онъ удержался еще при Псковѣ въ облежаніи: а отводныя свои стражи, отъ Свѣтогорскаго Монастыря до города и верховья Псковы рѣки по Гдовской дорогѣ, усилилъ еще отрядомъ пѣхоты и малаго разряда пушками, назначивъ дневные и ночные знаки маячные, ночью огонь, а днемъ флагъ. 6-го Декабря, дабы выманить на вылазку осажденныхъ, подпустилъ онъ подъ самыя стѣны свой обозъ, сдѣлавъ засады въ дождевыхъ рытвенныхъ около города ямахъ. Но граждане, въ сей празд-

ничный день, не вышли. На другой день онъ повторилъ тоже и тогда граждане выпустили конницу, которая устремясь къ обозу, увидѣла однако-жъ засаду и успѣла возвратиться въ городъ, оставивъ на мѣстѣ около 30 человѣкъ и въ полону до 12 дѣтей Боярскихъ, въ числѣ коихъ былъ знаменитый храбростію Петръ Колтовской. Гейденштеинъ отдаетъ въ семъ случаѣ честь Русскимъ лошадямъ со взгляду малымъ и безобразнымъ; но быстрѣйшимъ, нежели наилучшія Украинскія, бывшія подъ Венгерскими Боярами. За сіе однако-жъ, по свидѣтельству того же Историка Шуйскій взаимною засадою и вылазкою за Псковою рѣкою отомстилъ имъ. Сверхъ того и со стѣнъ большими пушками проникалъ онъ въ самые ихъ станы даже сквозь тройную ограду насыпныхъ коробовъ. Послѣднюю сильнѣйшую вылазку конными и пѣшими сдѣлали граждане на самые станы непріятельскіе 4-го Генваря 1582 года, и болѣе 80 Чиновниковъ при оной побили, а многихъ въ плѣнъ захватили. Но Польскіе Историки во всѣхъ вылазкахъ приписываютъ только своимъ преимущество.

Въ распоряженіи сихъ вылазокъ особенно от-

личался мудрый Воевода Князь Иванъ Петровичь Шуйскій, на котораго за то болѣе всѣхъ злобствовали непріятели. Псковской описатель сей осады разсказываетъ ужасное злоухищреніе ихъ надъ жизнію сего Воеводы. Послѣ вышеупомянутой послѣдней вылазки, говоритъ онъ, пришелъ Генваря 9 изъ Литовскаго войска Русской полонянинъ и принесъ великой ларецъ. Когда впустили его въ городъ и представили Воеводамъ и Боярамъ, то объявилъ онъ, что тотъ ларецъ при письмѣ присланъ къ Воеводѣ Князю Ивану Петровичу Шуйскому отъ Королевскаго Дворянина Гансумера, а по Гейденштеинову сказанію отъ Нѣмца Моллера. Въ письмѣ было написано, что онъ Гансумеръ, бывши у Государя Царя съ Нѣмчиномъ Юрьемъ Франбрикомъ (по другимъ съ Фаренсбахомъ) и памятуя Царскую хлѣбъ-соль, хочетъ, убивши Великаго Гетмана, перебѣжать отъ непріятелей въ городъ, и напередъ себя посылаетъ ларецъ съ деньгами и драгоцѣнными вещами, который проситъ принять до его приходу и досмотрѣть одному ему на единѣ отъ прочихъ. Столь необыкновенная посылка и довѣренность возбудила во всѣхъ подозрѣніе. Сысканъ былъ искусный

слѣсарь для открытія ларя сколько можно осторожнѣе и далѣе отъ Воеводской избы. По вскрытіи оказалось, что въ ономъ вдѣланы были 24 пистолета, заряженные на всѣ стороны и сверхъ ихъ насыпано съ пудъ пороху, заведенные замки привязаны были ремнемъ къ личинкѣ ларца, къ которой однимъ неосторожнымъ прикосновеніемъ спустились бы курки и послѣдовалъ бы выстрѣлъ. Такимъ образомъ Богъ избавилъ и Воеводу, и другихъ отъ непріятельскаго злоумышленія. О семъ злоумышленіи не умалчиваютъ и Польскіе Историки. Выдумку сего ящика приписываютъ они одному артиллерійскому Офицеру Остромецкому. Ящикъ сей, говорятъ они, былъ о 12 пистолетахъ и посланъ къ Шуйскому въ отмщеніе за его вѣроломное нападеніе на Польскихъ Чиновниковъ, при мирныхъ переговорахъ о погребеніи убитыхъ за стѣнами Псковичей при вылазкѣ, и что будто Воевода Андрей Хворостининъ по приказанію Шуйскаго захотѣлъ открыть сей ящикъ и при вспышкѣ пороха убитъ съ нѣкоторыми окружавшими его Чиновниками, а съ дому того и кровля взорвана.

Между, тѣмъ по пересылкѣ взаимныхъ охран-

ныхъ проѣзжихъ граматъ посламъ для договоровъ о мирѣ, прибыли въ назначенное мѣсто въ началѣ Декабря и Царскіе послы, Дворянинъ и Кашинскій Намѣстникъ Князь Димитрій Петровичь Елецкой, Дворянинъ и Козельскій Намѣстникъ Романъ Васильевичь Олферьевъ и Дьякъ Николай Басенокъ Верещагинъ.*) Посредникомъ же между обостороннними послами былъ вышеупомянутый Папскій посланникъ Іезуитъ Антоній Поссевинъ. Но поелику назначенное для съѣзда мѣсто Запольскій станъ, Казаками тогда былъ большею частію выжженъ, то и не могли всѣ въ ономъ помѣститься. И такъ остались тамъ только Русскіе; Польскіе-жъ послы остановились въ селѣ Пожеревищѣ, оттуду въ 15 верстахъ, а Поссевинъ въ деревнѣ Киверовѣ Горкѣ, гдѣ и первый съѣздъ ихъ былъ 13 Декабря. По двадцати съѣздахъ и по

*) Наказную данную имъ для договоровъ грамату въ 19 статьяхъ можно видѣть въ Русской Исторіи Щербатова и въ Ильинскаго Историч. Описанія города Пскова. Польскіе Историки пишутъ, что одинъ Русскій Дьякъ Богданъ, перебѣжавшій къ нимъ, открылъ всю тайну сего Наказа, и потому-де Русскіе повѣренные ничего больше вытребовать не успѣли, кромѣ предписаннаго уже на случай крайности.

многихъ переговорахъ и спорахъ объ Императорскомъ Цесарскомъ и Царскомъ титулѣ *), объ уступкѣ Лифляндскихъ городовъ, о возвращеніи завоеванныхъ Русскихъ, о размѣнѣ плѣнныхъ и проч. Наконецъ 15 Генваря 1582 года, подписано было перемиріе на 10 лѣтъ; уступлены Польскому Королю всѣ Лифляндскіе города и Замки числомъ 34, а по сказанію Гейденштеина только 18, въ томъ числѣ Дерптъ, 24 года бывшій въ полномъ владѣніи Россійскомъ и одними Русскими уже населенный, хотя Царь возвратить его весьма не хотѣлъ, и соглашался лучше уступить Великіе Луки, Заволочь и другіе нѣкоторые города; положено выпустить изъ всѣхъ Лифляндскихъ мѣстъ Русскихъ жильцовъ, Церковныя утвари Духовенство и артиллерію, въ прибавокъ тому отдать Польшѣ Торопецъ къ Смоленску, а Полоцкъ и Велижъ къ Литвѣ. Съ своей стороны Польскіе

*) Русскіе послы домогались Царю своему Императорскаго титула: но Поссевинъ сіе отклонилъ изъясняя, что яко бы въ Христіанствѣ больше одного Императора быть не можетъ. А Польскіе послы не согласились въ своихъ актахъ писать его даже и Царемъ, а только Великимъ Княземъ: но Русскимъ уступлено было въ своихъ актахъ именовать его и Царемъ.

послы согласились возвратить Россіи всѣ завоеванные города отъ Невеля и Великихъ Лукъ до Пскова и Новгорода. О Лифляндскихъ плѣнникахъ, коихъ въ Россіи было множество изъ знатныхъ, ни чего неположено, либо потому, что Царь надѣялся чрезъ нихъ со временемъ опять имѣть вліяніе на Лифляндію, либо какъ Лифляндскіе Историки пишутъ, потому, что Польскій Король хотѣлъ раздѣлить сію Область въ помѣстья своимъ племянникамъ и служащимъ у него Венгерцамъ; а Поссевинъ не счелъ-де за нужное ходатайствовать за Лифляндскихъ Лютеранъ. По сей причинѣ почти всѣ сіи плѣнники остались въ Россіи, а многіе и къ Грекороссійской Церкви обратились. Уже Царь Борисъ Годуновъ при вступленіи на Престолъ всѣхъ ихъ отпустилъ съ наградою. Шведскій Король выключенъ былъ изъ мирнаго договора и даже, какъ пишетъ Далинъ, въ мирныхъ между Россіею и Польшею статьяхъ положено: «Нарвѣ оставаться за тѣмъ, кто прежде оную отыметъ у Шведовъ и потомъ наилучше защищать возможетъ, противу кого бы то ни было, не нарушая однако тѣмъ мира». Польскіе Историки считаютъ въ сію войну по-

терю Россіи убитыми яко бы до 300 тысячъ человѣкъ и плѣнными до 400 тысячъ. Но ихъ столько и во всѣхъ завоеванныхъ мѣстахъ едва ли было. Столь же ложно ихъ сказаніе, что будто они тогда завоевали Русскіе города отъ Стародуба до Чернигова, отъ Двины до Старицы и отъ Новгорода до Ладожскаго озера.

Такимъ образомъ Псковъ освободился отъ пяти-мѣсячной тѣснѣйшей осады, во время коей вытерпѣлъ онъ 231 приступъ и самъ сдѣлалъ 47, а по другимъ извѣтсіямъ 77 вылазокъ на непріятелей, которые и во время переговоровъ не переставали безпокоить осажденныхъ. Вѣсть о заключеніи мира привезена во Псковъ 17 Генваря изъ непріятельскаго стана отъ Спасскаго Монастыря, что на Промежицѣ, Боярскимъ сыномъ Александромъ Хрущовымъ, отправленнымъ отъ Посольскаго съѣзда, и обрадовала несказанно всѣхъ гражданъ: а народъ на плечахъ своихъ носилъ вѣстника по всему городу. Но непріятельскія войска и послѣ заключенія мира стояли еще въ лагеряхъ до 4 Февраля и не прежде 6 числа вышли въ Лифляндію чрезъ Нейгаузенъ къ Дерпту, который и заняли 24 числа. Гейденштеинъ описываетъ, съ какою

жалостію Русскіе оставляли сей городъ—Дерптъ и съ какимъ рыданіемъ и крикомъ наипаче женщины на кладбищахъ прощались съ погребенными тамъ родителями, мужьями и дѣтьми. Послѣ Дерпта Поляки захватили нѣсколько городовъ и Крѣпостей и отъ Шведовъ, которые на ту пору не хотѣли имъ противиться, не кончивъ еще войны своей съ Россіею, и обратились болѣе въ Финляндію на Россійскія границы къ Нотенбургу или Орѣшку. Царь по видимому также хотѣлъ продолжать съ ними войну: но вслѣдъ за тѣмъ начавшіеся набѣги съ южной стороны отъ Крымскихъ, Казанскихъ и Астраханскихъ Татаръ, заставили его послать и Шведскому Королю предложеніе о заключеніи мира, и на съѣздѣ 9 Маія 1583 года на устьѣ рѣки Плюсы сперва заключено было перемиріе съ 26 Маія на 2 мѣсяца, а по истеченіи онаго—Августа 10 на три года, съ уступкою Шведамъ всего ими въ Естляндіи завоеваннаго, и даже съ Нарвою, Ивангородомъ, Ямою, Копорьемъ и частію Ингріи.

2007043042